ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 141.3

DOI: 10.17223/1998863X/54/1

Д.Э. Гаспарян

МЕТОДОЛОГИЯ КИБЕРНЕТИКИ ВТОРОГО ПОРЯДКА В ПРИМЕНЕНИИ К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ¹

Вероятной причиной того, что в современной философии до сих пор не разработана удовлетворительная теория сознания, является эпистемологическая установка, ориентированная на субъектно-объектную познавательную модель. Возможно, ситуацию удастся изменить, если продумать феноменологические перспективы ориентации философии сознания на так называемую кибернетику второго порядка, а именно отказаться от применения субъектно-объектной модели, или так называемой кибернетики первого порядка.

Ключевые слова: философия сознания, сознание, наблюдение, кибернетика первого порядка, кибернетика второго порядка, автопоэзис, самоописания, отличия.

Введение: философия сознания и проблема объективации ментального

Одной из наиболее актуальных исследовательских проблем в самых разных областях знания является трудность определения сознания как объекта, а именно вопрос о том, чем является сознание. Но несмотря на длительность дискуссий, вопрос пока остается открытым. Во многом это связано с тем, что проблема сознания самым непосредственным образом заставляет задуматься о возможностях доступного нам аппарата наблюдения, т.е. о том, что мы как наблюдатели, по сути совпадающие с объектом наблюдения, в принципе можем исследовать.

Со второй половины XX в. ученые идут по пути сведения сознания либо к физиологическим предпосылкам, либо к неким другим объективным формам (например, социальным или лингвистическим отношениям). Общая цель подобных разработок состоит в редукции сознания к каким-либо объективным процессам, чем обусловлено использование словаря естественной науки, который является «привилегированным» в рамках подобных исследований и устойчиво определяет критерии удовлетворительного решения проблем сознания.

Речь идет о том, что большинство современных теорий сознания обращается к естественнонаучным методам, которые отвечают классическим новоевропейским (ньютонианским) идеалам. Согласно ньютонианской физике наблюдатель существенным образом выведен за пределы наблюдаемого [1. Р. 6].

¹ В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта по гранту РФФИ № 18-011-00124 «Особенности феноменологии (феноменологического подхода) в современной аналитической философии сознания» (2018–2020).

Это означает, что сознание рассматривается как некое явление, которое можно изучать *объективно* – абстрагируясь от фигуры исследователя-наблюдателя, представляющего своего рода прозрачной средой. Соответственно, можно утверждать, что большая часть современных теорий сознания, как и вся область аналитической философии сознания, до сих пор основывается на субъект-объектной парадигме или, в терминологии настоящего исследования, так называемой *кибернетике первого порядка*.

При таких обстоятельствах эпистемологическая модель предполагает, что наблюдатель отстраненно и нейтрально наблюдает за тем, что происходит. Подобную кибернетику принято называть «кибернетикой наблюдаемых систем» [2. Р. 83].

Наглядно применение такой кибернетики проявляется в первую очередь в различных программах редукционизма, где ставится задача свести сознание к различным объективным процессам. Главным образом это реализуется в программе поиска причинной связи между телом и сознанием, т.е. в объяснении того, каким образом физическое порождает нефизическое. Это также проявляется в поиске других внешних причин, порождающих сознание, таких как язык, культура, общество. Но использование кибернетики первого порядка, а именно объективация сознания при условии игнорирования наблюдателя, как правило, приводит к тому, что сознание попросту элиминируют. Действительно, пытаться говорить о сознании в терминах наблюдаемых систем бессмысленно, ведь мы вынуждены пользоваться тем же самым сознанием – других познавательных инструментов у нас нет. Предметом наблюдения сознания является само сознание.

Редукционизм, в котором сознание пытаются свести к чему-то и фактически от него отказаться, неоднократно и обоснованно подвергался самой разносторонней критике [3. Р. 45]. Не будем останавливаться на ней подробно, скажем лишь, что подавляющая часть критики касается недопустимости сведения сознания (ментальных фактов) к материальным предметам и состояниям (физическим фактам). Однако мало кто из исследователей обращал внимание на изначальные эпистемологические проблемы изучения сознания, а именно на то, что понимание сознания в большинстве современных теорий предполагает выполнение невыполнимого – выход за пределы самого сознания [4. Р. 13; 5. Р. 7]. Очевидно, что положение наблюдателя, задающего вопросы «что такое сознание?» и «как оно связано с телом?», таково, что он задает их с помощью того же сознания, которое безуспешно пытается сделать объектом.

Именно этот аспект принимается во внимание кибернетикой второго порядка, которая утверждает сложный характер отношений между наблюдателем и наблюдаемым в случае сознания. В определенном смысле метод кибернетики второго порядка можно охарактеризовать как *научную феноменологию*, или «феноменологию, понятную инженерам». По крайней мере, учитывая ориентацию современной аналитической философии сознания на стандарты науки и формализуемого знания, данный метод представляет интерес своей наукометрической релевантностью.

Трудности научных теорий сознания

С момента постановки в аналитической философии проблемы сознания и тела в ее картезианской редакции аналитические философы искали по боль-

шей части натуралистические объяснения сознанию. Значительная часть этих теорий опиралась на не проясненный характер отношений между исследователем сознания и самим сознанием. Изначально лидировал материализм, доказывающий, что психические состояния идентичны состояниям центральной нервной системы. Теория тождества, в частности, утверждала, что психическое состояние есть, по сути, состояние мозга. С точки зрения кибернетики второго порядка получалось, что в мире есть только материя, которая изучает саму материю. Какую роль при этом играл наблюдатель, не уточнялось. Сама проблематизация того, что в мире есть материя и она реальна, утверждалось как позиция, сделанная фактически никем из ниоткуда [6. Р. 12]. Очевидно, что наивный физикализм плохо сочетался с феноменологическим подтекстом кибернетики второго порядка, в которой позиция наблюдателя принимается во внимание.

Например, в различных элиминативистских теориях сознания (в частности физикализме), редуцирующих сознание к работе мозга, теоретик как будто бы занимает позицию, превышающую ментальный опыт, и стремится дать ему физическое объяснение. При этом речь идет о том, чтобы объяснять сознание, используя язык физики. Но это невозможно, так как физик как наблюдатель наделен сознанием, а его физическая картина или теория имеет смысл только в рамках интерпретирующего этот смысл сознательного наблюдения. Поэтому поставить перед собой задачу говорить о сознании *не на языке самого сознания* означает сформулировать парадокс [7. Р. 20]. В отличие от подобных элиминативистских концепций, кибернетика второго порядка опирается на тезис конструктивистской эпистемологии, согласно которому «мыслящий субъект не имеет альтернативы, кроме как построить то, что он или она знает, на основании своего собственного опыта» [8. Р. 89]. Рассмотрим, к примеру, вариант психофизического влияния, согласно которому деятельность *мозга* индуцирует работу сознания. Логическая небезупречность данной конструкции состоит в том, что мы вынуждены признать: даже если мозг обуславливает сознание, вся эта схема существует в сознании (исследователей: ученых, философов и других наблюдателей, которые эту схему описывают). В такой схеме, наблюдатель существенно включен в то, что наблюдается [Ibid].

В дальнейшем в аналитической философии сознания лидировала компьютерная модель сознания, вследствие чего доминирующей моделью теорий сознания стал функционализм. Методологически функционализм имеет ряд общих черт с кибернетикой второго порядка, поскольку также ориентирован на анализ сознания как особой внутренней конфигурации, не связанной напрямую с носителями. Кроме того, в функционализме ментальное состояние толкуется как *функция* системы, обрабатывающая информацию. Использование компьютерной метафоры, в которой связь между компьютерной программой и «железом» интерпретируется как аналог связи между сознанием и мозгом, также отчасти способствует сближению методологий функционализма и кибернетики второго порядка. В рамках такого подхода сознание можно понимать в значении теории информации как систему различий. Однако расхождения между этими подходами также очевидны. Даже если сознания суть программы, мы по-прежнему не видим ответа на вопрос, что они суть. Трудность состоит в том, что исследователю нужно не просто восполь-

зоваться удачной метафорой «программы», но и понять, как она написана, а для этого сознание (программу) вновь необходимо поставить в положение объекта. Кто, однако, в таком случае будет выступать в роли «программиста», если сознание программиста – тоже программа? Таким образом, непонятность эпистемологических аспектов создает проблемы и для теорий функционализма.

Наиболее зрелые, феноменалистские теории сознания отстаивают субъективный характер сознания (предполагающий качественный и приватное измерение или так называемую перспективу от первого лица). Согласно этим теориям приватность качественных состояний принципиально не ухватывается физическими описаниями. Качали (ментальные состояния от первого лица) не ухватываются нейрофизическими описаниями структуры мозга или его функций. С позиции феноменалистских теорий легче уловить логику кибернетики второго порядка, а именно трудности объект-субъектной парадигмы, поскольку в них позиция наблюдателя перестает быть прозрачной средой¹.

В теориях, опирающихся на субъектно-объектную модель (так называемую кибернетику первого порядка), где субъект (наблюдатель) и объект разделены онтологически и эпистемологически, трудности возникают всякий раз, когда мы пытаемся создавать традиционные научные теории сознания, ориентированные на объяснение сознания с помощью *не-сознания*.

Можно допустить другой вариант индуцирования, в соответствии с которым возникновение сознания основано на *социальных или культурных предпосылках* [9]. Проблема диспозиции условия и следствия проявится здесь еще очевиднее: для существования и работы социальных и культурных условий *уже* необходим сознательный опыт. Можно также провести редукцию сознания к *языку*, указав, что сознание есть продукт знаковой деятельности *языка*, – но и здесь возникнут трудности, так как для того чтобы пользоваться знаками, следует понимать передаваемые ими смыслы, а осмысленность вновь отсылает к изначальности сознания.

Получается, что вначале надо допустить существование самого сознания, чтобы потом стали возможны его «причины». В терминах кибернетики второго порядка получается так, что при описании сознания, какой бы уровень наблюдения мы ни взяли в качестве начального, один уровень наблюдения мы уже пропустили [10. Р. 11]. Вывод отсюда можно сделать следующий: сознание устроено так, что *всегда уже предшествует тому, что предполагается в качестве его причины*.

Соответственно, такие программы изучения сознания, которые пытаются свести сознание к физическим или другим процессам (а по сути – стремятся устранить его онтологически), изначально содержат в себе противоречие. По большей части это связано с попыткой обращения сознания в объект. Практически все теории, в которых сознание чем-то обуславливается (рассматривается как продукт не-сознания), имеют одну и ту же эпистемологическую погрешность. Работа редукциониста сводится к помещению сознания в черный ящик и наблюдению процессов, сопровождающих пребывание загадоч-

¹ Как можно отметить, именно феноменалистские теории сознания в отличие от элиминативистских или физикалистских теорий имеют много общего с методологией кибернетики второго порядка. Однако кибернетика второго порядка все же оставалась за пределами официальной философии сознания и предпочитала разработку своей собственной методологии.

ного объекта в ящике. Но при такой исследовательской практике сознание остается попросту непонятым. При этом редукционисту может казаться, что ему удалось *объяснить* сознание, в то время как он, скорее, описал нечто, что *сопровождает* сознание (например, нейронные процессы в мозге) и может быть обнаружено благодаря самому сознанию.

Главная причина такой когнитивной неуловимости сознания – это возникающая в связи с ним *субъектно-объектная неопределенность*. Строго говоря, всякая теория сознания оказывается не описанием объекта (сознания), а *самоописанием* (сознания) или «сознанием сознания». Несмотря на то что такая теория выделяет себя как наблюдателя (*субъекта*), чьи особенности, согласно научным стандартам, никак не должны были бы сказываться на наблюдаемом *объекте* и уж тем более входить в этот объект [11. С. 115], в случае с сознанием такая теория неизбежно будет частью «объекта». В силу возникающего в связи с этим парадокса приходится признать, что понятия *субъект* и *объект* оказываются семантически нерелевантными для их использования в теории сознания. При работе с сознанием приходится отказаться от «новоевропейской (картезианской) традиции», некритически оперировавшей такого рода «самоописаниями» [12. Р. 5].

Для теорий, ориентированных на субъектно-объектную модель познания и вытекающую из нее кибернетику первого порядка, сознание является *когнитивно-недоступным*. То, что сознание не может стать для нас объектом, связано с тем, что любая попытка его описания уже содержит в себе те условия и средства, происхождение которых как раз и должно быть выяснено.

Соответственно, если создание теории сознания, отвечающей стандартным научным правилам, затруднено, то, принимая во внимание названные трудности, можно попытаться построить *особую теорию сознания, которая отвечала бы принципам кибернетики второго порядка*. Если сознание не подлежит описанию на каком-либо другом языке, кроме собственного, то приходится признать, что лучший способ описания сознания должен принадлежать самому сознанию. Такая теория сознания – это, во-первых, *теория описания*, а не объяснения сознания, а во-вторых, *теория самоописания*. «Теория» самоописания сознания противостоит любой другой *нормальной* теории. В каком-то смысле такая теория сознания является *ненормальной теорией*. В ней мы не пытаемся говорить *о* сознании на языках, отличных от языка самоописания сознания (например, языках нейронных коррелятов или компьютерных программ), но анализируем сознание в пределах самого сознания.

При этом мы получаем своего рода *автопоэтическую систему*, каузальные условия существования которой определяются принципами рекурсивности. Назвать ее автопоэтической нам позволяет несколько взаимосвязанных характеристик сознания. Это, во-первых, свойство *самозамкнутости сознания* – в своем существовании оно определяется преимущественно внутренними состояниями. Во-вторых, это *самопостроение, самовоспроизводство*, в случае сознания – обращение к самому себе, так как сознание невозможно без самосознания. В-третьих, это такая организация, которая существует *без разделения на производителя и продукт* – сознающее и создаваемое. Все причины такой системы лежат внутри ее самой [13. Р. 5]. Такая система представляет собой автономную область реальности, отделенную от каузаль-

ных цепочек окружающей среды. Внешняя среда не детерминирует автопоэтическую систему в силу ее каузальной замкнутости. При этом само наличие внешней среды можно оставить за скобками. Если эта среда никак не влияет на сознание¹ (не определяет его, не создает, не изменяет и пр.), то от нее можно, в принципе, отвлечься.

В случае такой «ненормальной» теории можно попробовать разъяснить особые свойства сознания, не ухватываемые обычной теорией. Под особыми свойствами мы понимаем те, в которых объект рассмотрения тождествен его интерпретации. «Способ наблюдения» и «наблюдаемый объект» оказываются принципиально неотличимыми друг от друга. Подобные эффекты, как правило, ускользают от внимания традиционных теорий, где есть четкое разделение на «объект» и «способ его наблюдения», и потому должны быть рассмотрены в рамках специальной теории. В такой теории нужно применить подход, в соответствии с которым различие между интерпретацией и ее объектом снимается.

При таком подходе описание совпадает с тем, что описывается; «что» является также и «как». Это свойство (свойство совпадения «что» и «как») есть важнейший признак сознания. Там, где мы имеем дело с совпадением предмета и способа его наблюдения, мы встречаемся с опытом сознания. Иными словами, опыт сознания принципиально *перформативен*.

Итак, нам известен, по крайней мере, начальный этап работы с сознанием: *наблюдение наблюдения и описание изнутри*. Адекватное исследование сознания предполагает рассуждение о сознании на языке сознания без использования наиболее известных типов редукционизмов – к телу (мозгу), языку, компьютерным программам или культурному опыту. Но если невозможно работать с сознанием непосредственно, то можно попытаться работать с описанием сознания. Теория описания, принимающая во внимание принципы кибернетики второго порядка, есть такая специфическая «квазитеория», исходя из которой мы отдаем себе отчет в том, что сознание выступает тем нечто, в котором мы всегда уже находимся и которое нельзя ни объективировать, ни элиминировать.

Кибернетика второго порядка и самоописание как система различий

Работа по внедрению идеи кибернетики второго порядка в современную эпистемологию и науку была в основном проделана Х. Фёрстером, Э. Глазерфельдом, У. Матураной и Ф. Варела. В целях понимания природы человеческого познания кибернетики порекомендовали отнестись вполне серьезно и практически (в том числе представителям науки) к эпистемологическому правилу, согласно которому наблюдения, независимые от наблюдателя, некорректны. В основе этого вывода лежат хорошо известные в философии аргументы, согласно которым отделить познаваемое от аппарата самого познания невозможно ни фактически, ни логически², равно как нельзя доказать

¹ Принимая во внимание здравый смысл, который предписывает нам все же говорить о наличии внешних влияний, стоит сделать «феноменологическую оговорку», а именно сказать, что «внешнее» влияет всегда уже как акт сознания, событие осознанное.

² Наибольший вклад в разработку этой идеи внесла немецкая классическая философия, а именно А. Шопенгауэр, Г. Фихте, Ф. Шеллинг и Г. Гегель

реальность мира вне определенной системы восприятия (реальность такого мира можно ввести на основе веры, убеждения или постулата, но не доказательно проведенной процедуры). Осуществляя наблюдение, наблюдатель опирается на собственную систему восприятия и знания, образовавшегося в результате предпосылок, характерных для его культуры, воспитания, языка, научной подготовки, личных интересов и т.д. Если, согласно классической концепции науки, научные теории объективны, так как характеристики наблюдателя не принимаются во внимание, то, задавшись вопросом о возможностях изучения самого наблюдателя, кибернетики разошлись с центральным положением классической (во многом картезианской) эпистемологии науки. Невозможность наблюдения, независимого от наблюдателя, приводит исследователей к проблеме солипсизма. Сторонники кибернетики второго порядка стараются обойти ее, указывая на то, что идея *объективности* может быть сохранена, если ее толковать как *распределенную субъективность* [14. Р. 44]. Этот тезис означает, что наблюдатели ищут подтверждения своих теорий не в «объективном мире», а в теориях других наблюдателей или – шире – одних систем знания в других. У нас нет доступа к миру, но у нас есть доступ к другим интерпретациям (мира), которые можно попытаться согласовывать друг с другом. Различные интерпретации суть различные перспективы осознания друг друга даже в том случае, если познание мира остается за скобками.

Если наука исходит из объективного характера большинства своих объектов, то сознание лишено подобной внеположенности. Это позволяет сформулировать гипотезу, согласно которой изучение сознания всегда производится самим же сознанием и любые теории сознания есть части описывающего себя самого сознания, с помощью которых это описание и происходит. На этом основании сознание можно считать примером *автопэтической системы*, знание о которой генерируется в ней самой. Такая система в качестве «единства определяется как сеть производства компонентов, которые рекурсивно, через свои интеракции, генерируют и реализуют сеть, которая производит их...» [15. Р. 21]. В свою очередь, наиболее адекватной моделью для описания такой системы является кибернетика второго порядка, которая «носит кругообразный характер: человек учится видеть себя частью того мира, который он наблюдает» [16. Р. 15]. Таким образом, можно сказать, что адекватной философией сознания должна быть «эпистемология наблюдателя», делающая ставку на внутреннее описание [17. Р. 50].

Тогда адекватной методологией теорий сознания будет своего рода *самоописание*. По аналогии с теорией Н. Лумана, которая призвана рассказать обществу об обществе от имени общества, такое описание является автобиографическим (самоописательным) [18]. Поэтому кибернетика от первого лица предписывает наблюдение от первого лица: наблюдатель неизбежно присутствует в наблюдении, которое, будучи составленным от первого, а не от третьего лица, дает нам понять, кто этот наблюдатель.

Ниже, не претендуя на целостность теории, но скорее схематически, я прослежу, как может применяться самоописательный принцип включенности наблюдателя при тематизации сознания как индивидуального психического феномена (*локально*), а также как знания, накопленного человечеством в рамках различных когнитивных практик (*глобально*). Ко второй интерпретации

нас побуждает тенденция ряда современных направлений мысли (энактивизм, нейрофеноменология, нейрофилософия и пр.), в которых сознание толкуется в значительной степени панпсихически (как характеристика как минимум всего живого или попросту всего сущего).

Самоописание сознания можно представить как пучок внутренних различий, где одни части, различаясь, обеспечивают существование других (при этом можно исходить из гипотезы, что описание в различиях может быть применено к любым автопоэтическим системам). *Самоописания – это способ обращаться к самим себе через отличие* одних состояний от других [19. Р. 19]. Самоописания предполагают семантические эффекты, с помощью которых сознание описывает само себя. Существенно, что самоописания организуются лишь с помощью внутренних отношений и за ними нет субстанции, которую можно объективировать как предмет.

В общем виде речь идет о таком принципе, согласно которому предметное (в данном случае сознание) не существует как субстанция (сущность), но мыслится как результат соотносительных процедур во внутренней системе отношений. Главной проблемой здесь становится вопрос о том, как понимать сознание, если оно не является чем-то вещественным и предметным. Как понять то, что не есть ни предмет, ни свойство предмета, то, что, согласно сказанному выше, вообще сложно определить как *что-то*.

В этом случае можно попробовать ограничиться задаванием критерия отличия сознания от не-сознания. Такой критерий может совпасть с сознанием в том смысле, что само разделение должно быть реализовано как осознанное. Сказанное можно проиллюстрировать с помощью принципа, предложенного Г. Бейтсоном в отношении информации, чья природа также отвечает критериям внеположенности субъектно-объектной модели. Согласно Бейтсону, *отличие информации от не-информации в свою очередь есть информация* [20. Р. 6]. В силу тотальности, когда мы фактически вынуждены сказать, что все есть сознание, мы должны также добавить, что сознание есть не что иное, как универсум различий.

Под различием в общем виде мы понимаем минимальную единицу смысла¹. Можно сказать, что различие есть везде, где есть смысл, или, по-другому: смысл появляется тогда, когда появляется различие. Минимальный смысл имеют суждения (понятия, из которых складываются суждения, еще не имеют смысла, а умозаключения – это уже сложные комплексы из суждений). Суждения имеют простейшую форму «х есть у», которая образуется с помощью различия. В этом смысле само суждение фактически и есть различие. Таким образом, различие может пониматься как базовый атрибут сознания.

Для сознания, в отличие от любой другой автопоэтической системы, опыт различий будет особенно существенным. Это не просто способ, каким сознание оперирует, – это само сознание. Действительно, если все дано одним неразличенным потоком, мы ничего не понимаем. Как только мы хотим ввести сознательный опыт, мы должны провести минимальное отличие, отделение одного от другого [21. Р. 90]. При этом что-то должно быть скрыто, а что-то проявлено. Когда мы понимаем, то понимаем (осознаем), что есть

¹ «Смысл» здесь следует понимать не во фрегеанском значении, а скорее в гуссерлевском.

это и *не-это*. Таков минимальный базовый уровень осознания: это умение выделить, отделить одно от другого. Приведем пример из возрастной психологии: как только ребенок из многих игрушек выбирает одну, мы начинаем интерпретировать его поведение как минимально осознанное [22. Р. 113]. Иллюстрацию этой идеи можно найти и в более современных исследованиях, трактующих осознанность как реализованный выбор [23. Р. 46–50; 24. Р. 60]. Согласно сенсомоторной теории сознания сенсомоторные выборы, составляющие ядро феноменальных состояний сознания, возникают на основе активно проведенного различения, позволяющего реализовать действие. В свою очередь, осознание и выбор нужно толковать как тождество, т.е. феноменологически (в том числе и нейрофеноменологически – в значении теории Ф. Варелы), так как одно не предшествует другому – нужно осознать, чтобы выбирать, но и выбирать, чтобы осознать. Различие при такой трактовке будет работать в двух значениях: 1) в методологическом смысле, позволяющем, несмотря на тождество, говорить о тождестве двух состояний: выборе и осознании, и 2) содержательно: чтобы выбирать, надо различать, равно как чтобы различать, нужно выбирать.

Обычное восприятие можно рассмотреть как состоящее из миллиона потенциальных различий. Схема, которая имеется здесь в виду, вновь может быть проиллюстрирована с помощью теории Г. Бейтсона. Например, «обычный кусок мела содержит миллион потенциальных фактов, но только очень немногие из них актуализируются благодаря поведению наблюдателей. Данные факты есть не что иное, как различия, и притом что число потенциальных различий в куске мела бесконечно, лишь очень немногие из них становятся актуальными различиями (т.е. единицами информации) в ментальном процессе. Информация, таким образом, состоит из безразличных различий» [20. Р. 450]. Отсюда вытекает трактовка восприятия Бейтсона, для которого различия являются существенными характеристиками работы сознания. К минимальной характеристике сознания Бейтсон относит то, что система должна оперировать с различиями на основании различий.

При этом мы не можем видеть самого различия – оно непредметно, но мы можем видеть результаты различия. Об этих различающих структурах нельзя сформировать предметного знания. Скорее, они сугубо функциональны и операциональны, они позволяют собой пользоваться, но не допускают предметного схватывания, объективации, которая позволила бы говорить о них от третьего лица (в качестве всеобще наблюдаемых). Структуры, о которых идет речь, всегда даны в режиме «как», но не в режиме «что».

Понимание сознания как опыта различий дает возможность, во-первых, «сохранить» сознание, а не редуцировать его к чему-то физическому и, во-вторых, избежать субстантивации сознания. Различение – это чистый непредметный опыт, который принципиально не может быть субстантивирован. Его нельзя найти в мире как вещь, но благодаря ему мы находим все остальные вещи – как различные и раздробленные. Эти различия первично осуществляются нерелексивно, но именно в них коренится возможность рефлексии как самоописания.

Если говорить о *глобальном уровне самоописания*, то можно сказать, что возникновение таких макроментальных образований, как культура, общество, религия, экономика, наука, средства коммуникации и многое другое, имеет в

своей основе определенные формы воплощения сознания. Данные образования понимаются как те сферы, где реализовалось и воплотилось сознание, те смысловые регионы, которые предстают обобщенной, накопленной и отчасти¹ отчужденной формой воплощения индивидуальных сознаний. При этом организация этих макроизмерений также реализует себя через систему различий. Самоописанием в данном случае будет способ обращения этих макроментальных образований к самим себе через отличие одних своих областей от других. Так, согласно Луману, политика может тематизировать экономику, экономика – политику, а масс-медиа – и то и другое (и т.д.). Социальные системы – в отличие от физических – сконструированы на основе *смысла*, который понимается им как реализованное различие. «Общество» является обозначением для самоописания коммуникаций, причем если в ходе этого самоописания какие-то из коммуникаций принимают форму социальной теории, то она ограничивается утверждением того, что «общество состоит из коммуникаций» [11. С. 115].

Обращение к лумановской теории общества, вновь в качестве некоторой иллюстрации, позволяет увидеть, что модель, работающая в отношении той формы сознания, которую именуют обществом, характерна и для всей сферы сознания. Например, можно сказать, что в сфере науки, а точнее наук о сознании, производится рефлексия сознания над самим собой. Различные теории сознания, которые при этом существуют (физикализм, дуализм, функционализм, панпсихизм и др.), можно также рассматривать как различные коммуникации – способы сознания говорить о самом себе. Коммуникации при этом возможны только дифференциально – как отличные друг от друга теории. Они противопоставляются друг другу и через это обретают свое «позитивное» значение. Например, физикализм противопоставляется дуализму и наоборот. Подход, в котором в конечном итоге проговаривается существование этих различных теорий, можно рассматривать как работу *самоописания сознания*.

Любопытно, что у каждой из этих коммуникаций (теорий) нет реальной референции к *объекту* (самому сознанию), что переопределяет критерии достоверности. Описательная дифференциация приводит к тому, что сознание смотрит на себя «глазами» своих теорий, а значит, вынуждено описывать себя с помощью разных и подчас взаимоисключающих теорий. В этом смысле сознание как *объект* изучения разными теориями в философии сознания будет своего рода фикцией.

«Объективность» в этом случае как раз и можно трактовать как *распределенную субъективность*. Этот тезис означает, что познание является расчерченной изнутри картой смысловых регионов, где верификация одних групп истин производится в соприкосновении с другими группами. Подобная процедура верификации отличается от корреспондентской теории истинности – в ней теории и исследования ищут подтверждения своих взглядов не в «объективном мире», а в положениях и результатах других теорий и исследований. У нас нет доступа к миру, но у нас есть доступ к другим интерпретациям мира, которые можно стремиться согласовывать друг с другом.

¹ Форма таких образования является лишь «отчасти отчужденной», поскольку имеет силу обратного влияния на сферу индивидуальных сознаний.

Применяя такую схему, мы можем уйти от ошибок и противоречий упрощающего существа вещей редукционизма и субъектно-объектного дуализма. Возможно, для этого сознание приходится мыслить чуть более метафизично (в силу его всеохватности и тотальности), к чему мы привыкли в рамках современной сциентистской парадигмы. Но такая трактовка оправдана самой природой сознания, которое дано нам через осознание того, что мы и «оно» суть одно.

Заключение: вклад кибернетики второго порядка в философию сознания

Подводя черту под сказанным выше, можно сделать следующие выводы. Все редукционистские (фундированные кибернетикой первого порядка) подходы к познанию разделяют общую судьбу: парадокс внешнего наблюдения. Можно спросить, однако, что предлагает сама кибернетика второго порядка в качестве более успешной теории. Такой теорией будет отличная от традиционных (субъектно-объектных) теория самоописания сознания, в которой снято разделение на субъект и объект, но речь идет о самопонимающем сознании, организованном как тотальная и имманентная сфера смыслов-различий [25. Р. 400–402]. Более эффективна стратегия, при которой о сознании говорится в терминах различий, отношений и соотносительных процедур. То, что сознание есть пучок значимых различий, можно увидеть и на примере локального сознания, т.е. своего собственного: достаточно провести феноменологическую процедуру наблюдения за тем, как работает сознание каждого из нас. Этот же принцип может быть экстраполирован на всю тотальную сферу ментального. Таким образом, сознание устроено в некотором смысле голографически – в каждой малой локальной его части можно обнаружить общий принцип всей системы, которая, таким образом, есть система различий, состоящих из различий. В ней самонаблюдение ведется с помощью наблюдений за наблюдениями.

Согласно кибернетике второго порядка задача объяснения сознания может быть отчасти переориентирована с внешнего вопроса «как можно объяснить сознание?» на внутренний вопрос «как сознание описывает само себя?». Если даже допустить, что ответ на вопрос «что такое сознание?» для самого сознания будет оставаться слепым пятном (системным пробелом, который является условием возможности функционирования всей системы), то внутреннее самописание через различные формы может быть вполне прозрачным. Вопреки зонам непрозрачности сознание может осознавать себя через различие собственных форм. При этом не требуется вводить противоречивого «внешнего наблюдателя». И эпистемологией, наиболее адекватно описывающей принципы, лежащие в основе такой системы, как раз и будет кибернетика второго порядка. Возможно, наиболее перспективной концептуальной основой, охватывающей фундаментальные характеристики когнитивных систем и теорий, является эпистемологическая модель, предлагаемая кибернетикой второго порядка.

Таким образом, для развития философии и науки о сознании кибернетика второго порядка может быть полезна в силу следующих аспектов.

Во-первых, она может помочь пересмотреть такого рода редукционистские исследования, когда мы полагаем, что у нас есть сознание как некий

объект изучения и есть некий загадочный метаязык, который не совпадает с сознанием и на котором мы можем поговорить о «сознании-объекте». В частности, она может помочь прояснить границы непосредственно физического редукционизма: например, когда мы считаем, что у нас есть сознание, и есть язык нейронных коррелятов, который его порождает.

Во-вторых, применяя кибернетику второго порядка, можно обойти стратегию каузального поиска причин, порождающих сознание, – будь то физические процессы или такие группы факторов, как язык, культура или социум (как наиболее часто упоминаемые). В этом случае кибернетика второго порядка позволяет рассматривать сознание автопоэтически – как то, что является каузально замкнутой системой, располагающей всеми причинами изнутри.

В-третьих, кибернетика второго порядка предлагает такую описательную стратегию, которая избавляет нас от поиска внешних сознанию языков описания, что обычно лишь ведет к метаязыковым парадоксам, так как языки описания являются частью самого сознания. Кибернетика второго порядка, напротив, учит нас тому, что следует говорить о сознании на языке самого сознания. Это означает, что не следует пытаться понять сознание как объект извне, но имеет смысл понять (описать) его изнутри.

В-четвертых, кибернетика второго порядка помогает избежать субъектно-объектного дуализма, применение которого по отношению к сознанию ведет к парадоксам и непродуктивным теориям.

В-пятых, кибернетика второго порядка помогает по-новому взглянуть на понятие истины и объективности в рамках наук о сознании. В условиях тотальности сознания истина понимается не как отчужденная объективность, а как «распределенная субъективность» – подтверждения идеям и теориям ищутся не в качестве объективных предметностей, а в виде динамических согласований с другими интерпретациями. Истиной в этом случае становится согласованная интерпретация.

Литература

1. Foerster H. von. Cybernetics of Cybernetics // Communication and Control in Society. New York : Gordon and Breach, 1979. P. 5–8.
2. Glanville R. Second order cybernetics // Systems Science and Cybernetics. 2002. Vol. 3. P. 59–85.
3. Kriegel U. Subjective Consciousness. Oxford : Oxford University Press, 2009. 340 p.
4. Penrose R. Shadows of the Mind. Oxford : Oxford University Press, 1994. 405 p.
5. McGinn C. The Problem of Consciousness. Oxford : Blackwell, 1991. 228 p.
6. Nagel T. The view from nowhere. Oxford : Oxford University Press, 1989. 258 p.
7. Gennaro R. The Consciousness Paradox. Cambridge, MA : MIT Press, 2011. 389 p.
8. Glasersfeld von E. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. London : The Falmer Press, 1995. 210 p.
9. Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в теории познания: истоки, проблематика, современный потенциал // Эпистемология: перспективы развития. М. : ИФ РАН, 2012. С. 369–400.
10. Mead M. The cybernetics of cybernetics // Purposive Systems. New York : Spartan Books, 1968. 179 p.
11. Антоновский А.Ю. О смысле самоописания // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. IV, № 2. С. 114–116.
12. Luhmann N. Essays on self-reference. New York : Columbia University Press, 1990. 208 p.
13. Maturana H. The biology of cognition // Autopoiesis and Cognition, Boston Studies in the Philosophy of Science. 1970. Vol. 42. P. 2–63.

14. Foerster H. von, Poerksen B. Understanding systems. Conversations on epistemology and ethics. New York : Kluwer, 2002. 400 p.
15. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston, 1980. P. 63–134.
16. Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things // Observing systems. Seaside CA : Intersystems Publications, 1981. P. 258–265.
17. Rockmore T. On constructivist epistemology. Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 345 p.
18. Luhmann N. Theory of Society. Stanford : Stanford University Press, 1997. 506 p.
19. Luhmann N. The paradox of observing systems // Cultura Critique. 1995. Vol. 31. P. 37–55.
20. Bateson G. Form, Substance, and Difference // Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. University of Chicago Press, 1972. P. 448–466.
21. Гаспарян Д.Э. Эпистемологический конструктивизм и проблема глобального наблюдателя // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVII, № 1. С. 84–102.
22. Piaget J. The construction of reality in the child. London : Routledge and Kegan Paul, 1955. 386 p.
23. Noë A. Action in Perception. MIT Press, 2004. 380 p.
24. O'Regan J.K., Myin E., Noë A. Skill, corporality and alerting capacity in an account of sensory consciousness // Progress in Brain Research. 2005. P. 55–68.
25. Scott B. Second order cybernetics as cognitive methodology // Systems Research. 1996. Vol. 13, № 3. P. 393–406.

Diana E. Gasparyan, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: anaid6@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 5–18.

DOI: 10.17223/1998863X/54/1

SECOND-ORDER CYBERNETICS METHODOLOGY APPLIED TO THE EPISTEMOLOGICAL PROBLEMS OF THE PHILOSOPHY OF MIND

Keywords: philosophy of mind; mind; consciousness; observation; first-order cybernetics; second-order cybernetics; autopoiesis; self-descriptions; differences.

The article shows that the reliance on subject-object dualism, which is widespread in the contemporary analytic philosophy of mind and is fuelled by classical epistemology, leads to a large number of theories based on epistemic contradictions. To illustrate this statement, the first- and second-order cybernetics apparatus (FOC and SOC) was used (Foerster 1975). It is shown that the majority of modern analytical contexts working with mind are oriented to the so-called first-order cybernetics. Accordingly, the study suggests that if we replace FOC with SOC, we will get a more adequate epistemology and will be able to avoid unproductive work on creating contradictory or inoperative theories. In particular, it is stated that using SOC one can build a model that differs from traditional (subject-object) models and propose a theory of the self-description of mind, which removes the division into a subject and an object, but deals with a self-understanding mind, organized as a total and immanent sphere of meanings-differences. The critical part of the study substantiates the irrelevance of the naturalist apparatus borrowed from the natural sciences. It is considered that to thematize a subject epistemology must construct a special language of description taking into account the specifics of the subjective measurement of reality. In particular, it is shown that the study of mind is the area of knowledge where the level of observer should be taken into account in the first place because the failure to take into account this level instantly leads to any theory of mind to paradoxes. The study points to the need to take into account the criticism of subject-object dualism undertaken by second-order cybernetics and shows what unproductive epistemological assumptions its non-acceptance in the study of consciousness leads to. It is considered that in dualistic models cognitive sciences implicitly conceal the notion of mind itself as a dualistic model, in which reflexion is possible only as meta-knowledge. Accordingly, it is shown that speaking about the self-description (reflexion) of mind itself, it is inefficient to speak about the meta-linguistic structure: when one tries to explain reflexion in the subject-object paradigm (in which there is a mind-object and a mind-subject independent of it), a paradox emerges. The positive part of the study, also using the positions of second-order cybernetics, explains why it is unproductive to see some essence in mind and shows how one could speak about mind using the apparatus of differences. In this part of the study, an attempt is made to attribute mind to autopoiet-

ic systems, namely, to understand how it describes itself. Self-description is considered at two levels: (1) the local level of mind inherent in a certain carrier and (2) the global level of mind as a field of meanings in general, which tries to form knowledge about itself. Self-description is supposed to be understood as a way to address oneself by distinguishing some states from others (Luhmann 1990, 1995). It is shown that at the local level of cognition we fundamentally differentiate ourselves in order to form objects and at the limit of the entire reality with which we deal. It has been analyzed that the minimum basic level of cognition is the ability to distinguish and separate one from another (for example, when we understand something, we understand that it is not that either). It is stated that this is how perception becomes information.

References

1. Foerster, H. von. (1979) Cybernetics of Cybernetic. In: Krippendorff, K. (ed.) *Communication and Control in Society*. New York: Gordon and Breach. pp. 5–8.
2. Glanville, R. (2002) Second order cybernetics. *Systems Science and Cybernetics*. 3. pp. 59–85.
3. Kriegel, U. (2009) *Subjective Consciousness*. Oxford: Oxford University Press.
4. Penrose, R. (1994) *Shadows of the Mind*. Oxford: Oxford University Press.
5. McGinn, C. (1991) *The Problem of Consciousness*. Oxford: Blackwell.
6. Nagel, T. (1989) *The View from Nowhere*. Oxford: Oxford University Press.
7. Gennaro, R. (2011) *The Consciousness Paradox*. Cambridge, MA: MIT Press.
8. Glaserfeld, E. von (1995) *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*. London: The Falmer Press.
9. Trufanova, E.O. (2012) Sotsial'nyy konstruksionizm v teorii poznaniya: istoki, problematika, sovremennyy potentsial [Social constructionism in epistemology: sources, problems and potential]. In: Lektorsky, V.A. (ed.) *Epistemologiya: perspektivy razvitiya* [Epistemology: Developmental Prospects]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS. pp. 369–400.
10. Mead, M. (1968) The cybernetics of cybernetics. In: Von Foerster, H. (ed.) *Purposive Systems*. New York: Spartan Books.
11. Antonovsky, A.U. (2005) O smysle samoopisaniya [The reasons for self-reference]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4(2). pp. 114–116.
12. Luhmann, N. (1990) *Essays on Self-Reference*. New York: Columbia University Press.
13. Maturana, H. & Varela, F.J. (1970) *Autopoiesis and Cognition: The Realisation of the Living*. D. Reidel Publishing Company. pp. 2–63.
14. Foerster, H. von & Poerksen, B. (2002) *Understanding Systems. Conversations on Epistemology and Ethics*. New York: Kluwer.
15. Maturana, H. & Varela, F. (1980) *Autopoiesis and Cognition: The Realisation of the Living*. Springer Netherlands. pp. 63–134. DOI: 10.1007/978-94-009-8947-4
16. Foerster, H. von (1981) *Observing Systems*. Seaside CA: Intersystems Publications. pp. 258–265.
17. Rockmore, T. (2005) *On Constructivist Epistemology*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers.
18. Luhmann, N. (1997) *Theory of Society*. Stanford: Stanford University Press.
19. Luhmann, N. (1995) The paradox of observing systems. *Cultura Critique*. 31. pp. 37–55.
20. Bateson, G. (1972) *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. University of Chicago Press. pp. 448–466.
21. Gasparyan, D.E. (2016) Epistemologicheskiy konstruktivizm i problema global'nogo nablyudatelya [Epistemological constructivism and the problem of global observer]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 47(1). pp. 84–102.
22. Piaget, J. (1955) *The Construction of Reality in the Child*. London: Routledge and Kegan Paul.
23. Noë, A. (2004) *Action in Perception*. MIT Press.
24. O'Regan, J.K., Myin, E. & Noë, A. (2005) Skill, corporality and alerting capacity in an account of sensory consciousness. *Progress in Brain Research*. 150. pp. 55–68. DOI: 10.1016/S0079-6123(05)50005-0
25. Scott, B. (1996) Second order cybernetics as cognitive methodology. *Systems Research*. 13(3). pp. 393–406. DOI: 10.1002/(SICI)1099-1735(199609)13:3<393::AID-SRES102>3.0.CO;2-A